



усиление роли и значения библиотек в качестве информационных центров, призванных обеспечить материальное воплощение концепции непрерывного образования.

В области экономики:

Ранее сложившаяся система организации производства с жесткой фиксированной специализацией перестает работать, нужны гибкие схемы, способные моментально реагировать на достижения науки и внедрять их в жизнь.

В области управления:

Царь-батюшка мог направить депешу в Сибирь, месяца через два ее доставляли по месту назначения, выполняли указ и докладывали об исполнении. За это время мало что менялось, и царский указ не терял своей силы. А теперь?

Законы, которые пишутся для старого информационного состояния, когда они были на протяжении десятилетий незыблемыми, перестают работать уже на следующий день после их принятия, требуют все новых и новых поправок и тем самым тормозят развитие общества.

Можно и дальше перечислять, каким образом **закон времени** отражается на различных областях жизни общества, главное другое —

закон времени заставляет нас менять логику социального поведения, формировать такой тип личности, которая была бы способна гармонично взаимодействовать с окружающим миром, ставить перед собой высокие общественные цели, заниматься постоянным самосовершенствованием, брать на себя ответственность за развитие общества. Раньше такая задача подчиняла себе только умы мыслителей-гуманистов. Сегодня это насущная необходимость, которая определяет перспективы дальнейшего существования человечества на планете Земля.

Какова в этом роль достаточно общей теории управления? Ключевая.

Проводя исторические параллели, можно сказать, что в 20-е годы XX века нужно было посадить все население страны за парты и учить грамоте, и это заложило тот фундамент, который обеспечил прорыв нашей страны по многим направлениям, превратив ее в мировую супердержаву. Теперь, в начале XXI века, нам опять нужно всем садиться за парты и учиться, но уже не азбуке, а **высшему управленческому искусству.**

Именно на этом фундаменте будет обеспечен новый взлет России!

В. ХОРХОРДИН

О ГЛАВНОМ И ВСЕРЬЕЗ

Мировые цивилизации в свете новой научной парадигмы

(постановка проблемы)

К концу XX века в массовом сознании довольно прочно укоренилось мнение (точнее, самомнение) о том, что именно живущим в последние десятилетия поколениям выпало на долю быть свидетелями беспрецедентного в истории человеческих цивилизаций взлета наук. Эйфория, вызванная действительно великими достижениями человеческого ума,

достигла уровня, когда наука и техника стали объектом почти языческого поклонения, а человеческое «знание», которое однозначно отождествлялось с понятием «наука», возводилось в категорию «силы» — всепобеждающей и всекрушающей в своем целенаправленно-поступательном движении. Вспомните: «Знание — сила!». Так говорил лорд-канцлер Англии Ф. Бэкон



в XVII веке – и мы до сих пор повторяем это как заклинание. Действительно, наука, ставшая поистине «планетарным явлением» (так называется одна из последних работ нашего великого соотечественника В.И. Вернадского), проникла буквально во все стороны повседневной жизни практически каждого человека на земле. В этом смысле масштабы ее влияния на современный мир можно сравнить только со всепроникающим влиянием на него религии и искусства в прежние времена. Но стоит ли этому радоваться? Подумаем вместе.

Новую цивилизацию, которая рождалась в эти годы и в рамках которой нам, очевидно, предстоит жить в XXI столетии, ученое сообщество поспешило назвать «техногенной», «техно-тронной», «глобально-информационной» и т.п.

Справедливости ради, отметим, что речь идет в основном о взглядах историков, социологов и теоретиков науки из стран Запада, которым вообще присуща менторская склонность к излишне сенсационной категоричности и безапелляционности в суждениях. Ученые из стран, условно говоря, «Востока» (включая сюда и нашу великую евразийскую державу), как правило, были более осторожными в своих прогнозах. Тем не менее сформулированный в знаменитом памфлете английского физика и писателя Чарльза Сноу вывод о непреодолимости барьера непонимания между представителями «прогрессивного», то есть научного, знания, с одной стороны, и отсталыми «гуманитариями» – с другой, и неминуемом торжестве первых над последними, быстро стал доминирующим императивом в массовом сознании людей конца XX века. Не случайно появление в 50-х годах книги Сноу и лавины аналогичных прогнозов относительно неизбежной и тотальной «урбанизации» материальной и духовной среды обитания человека совпало с памятной дискуссией «физиков» и «лириков» в нашей стране.

Изучение развития мировых цивилизаций показывает, что завышение оценки собственных научных достижений было свойственно практически всем поколениям людей, которым выпало жить в тот или иной отрезок времени.

Объективной причиной того, что каждое поколение считало именно свою эпоху временем наивысшего расцвета науки, отождествляемой со «знанием», было неосознанное, но действительное проявление единого закона количественно-



го роста науки. Этот закон описывается т.н. «экспоненциальной функцией» и в соответствии с ним в чисто количественном выражении общий, суммарный объем публикуемых научных работ, материальных затрат на научную деятельность и т.д. (включая также корпус самих ученых) непрерывно возрастает, почти удваиваясь, через каждые 20-30 лет, иначе говоря – в пределах периода формирования каждого нового поколения. Отсюда следует вывод, важный для понимания «эйфорического» настроения каждого

свидетеля этого феномена. Дело в том, что закон экспоненциального роста имеет одно чисто математическое свойство: то, что совершается в пределах одного периода удвоения, то есть за данные 20-30 лет, приблизительно равно сумме всего совершенного ранее, за все предшествующие годы действия этого закона, то есть практически за всю предшествующую историю человеческой цивилизации. Другими словами, как писал специально исследовавший этот феномен в рамках своей концепции «двух культур» (интуитивной и логической) Евгений Львович Фейнберг, «и при Шекспире, и при Ньютоне, и при Пушкине, и при Эйнштейне за время формирования нового поколения появлялось, например, почти столько же научных идей и соответствующих публикаций – в пропорциональном отношении – сколько за всю предшествующую историю человечества, столько же новых ученых, сколько их появлялось в предшествующую историю науки и т.д. Но они уже обладали тем багажом знаний, который был наработан их предшественниками», и добавляли к нему нечто свое, новое. Как же было не гордиться, не восхищаться наукой именно своего времени, своего поколения! Так складывался миф, фантомное сознание непрерывного действия науки и связанной с этим иллюзии перманентной научно-технической революции. Такой количественный, механистический подход к оценке научных достижений своего поколения и его формально-логическая экстраполяция на будущее породили уверенность в непрерывном росте мощи человеческого ума, в абсолютном приоритете точных и естественных наук, основанных на приоритете рационалистического, позитивистского подхода над «гуманитарными», то есть «физиков» над «лириками».

К концу уходящего века эта уверенность до-



стигла невероятных, прямо патологических масштабов. Несмотря на то, что относительная скорость удвоения количественных показателей оказалась замедленной, гораздо более важным и новым феноменом оказалось то, что из-за непрерывного опережающего ритма экспоненциального роста науки по сравнению с ростом населения в огромных, невиданных ранее размерах выросла **доля**, удельная часть населения, так или иначе вовлеченного в сферу науки. Иначе говоря, к числу профессиональных ученых прибавились их «помощники» – сотрудники лабораторий, высших и средних учебно-педагогических заведений, работники средств массовой информации и редакционно-издательских органов, инженеры, техники и квалифицированные рабочие, обслуживающие науку и т.п. В то же время, если проследить экспоненциальный рост человеческой популяции за последние 7 тысяч лет и сопоставить его с комплексом референтных показателей, влияющих на среду обитания, начиная с середины прошлого века (достигнутые в результате достижений науки максимальные скорости передвижения, уровень разрушительной мощи взрывчатых веществ, производство ранее неизвестных средств индустриального строительства и т.д.), выявится безрадостная картина катастрофы, которая, двигаясь фантастическими темпами, уже приблизилась к каждому человеку, к каждой семье и к человечеству в целом.

Трагическая экстремальность создавшейся на пороге третьего тысячелетия бытийной ситуации проявляется в повсеместном лавинообразном росте негативных реактивных состояний людей, несмотря на вполне очевидный количественный рост материальных компонентов современной цивилизации (уровень комфорта, средний показатель благосостояния, впечатляющие открытия в области науки, техники, медицины и т.д.), они теряют былую уверенность в собственных силах, в завтрашнем дне, становятся агрессивными, «дичают», пытаются найти спасение в максимальном упрощении системы духовных ценностей. Они стремятся нарастить «защитную» броню, стать бесчувственной, бессердечной, но «разумной» машиной, принести себя в жертву этому всемогущему идолу, созданию его же собственных рук и ума. В самом деле, если у человека болит душа, то есть нечто «метафизическое», принципиально несводимое к традиционной форме дискретно-материального, не поддающееся сознательному воспроизводству в «машинном» мире, то не проще ли отказаться от этого ненужного рудимента, отсечь именно эту «странность», — миф, не вписы-

вающийся в рациональное миропонимание, ускользающий от понятного комфортно-одномерного описания всего сущего в природе и человеке. Страх перед принципиально непознаваемым человеком сначала достаточно успешно преодолевал в рамках парадигмы несовместимости научной и вненаучной (например, религиозной) систем ценностных представлений, регулирующих индивидуальное и социальное поведение человека, начиная с уровня саморегуляции и заканчивая осмыслением места и роли человека в природе и космосе.

Так родилась идеология неотвратимого поступательного развития на планете технократической цивилизации в ее крайне «вестернизированной» разновидности, которая характеризуется культом «человеко-бога», провозглашением всемогущества человеческого разума в мире, где нет места ничему «варварскому», то есть стихийному, бессознательному, непостижимому, тайному, скрытому.

Начиная с эпохи просвещения, эта концептуальная схема стала практически господствующей в самых различных западных школах мысли. Она превратилась в основу мировоззрения человека Нового времени.

Его поклонники отвергают возникшую на пороге XX века настоятельную необходимость радикального переосмысления самых основ традиционных наук и, в связи с этим, глубиной сути современных цивилизационных процессов. Речь идет, в частности, о возникновении математики с ее концепцией интуитивизма и введением ограничительных теорем, «новой» физики с ее теорией относительности и парадоксами поиска единого поля, объединяющего психическое и физическое, косное и живое, субъективное и объективное в нечто «трансперсональное», а также квантовой механики с принципом дополнительности и биологии с явно противоречащей традиционному эволюционистскому учению современной молекулярной генетикой.

Перечень симптомов кризиса рационалистической, то есть традиционной науки может быть бесконечным. Но приверженцы концепции линейно-поступательного развития человечества все-таки стоят на своем, провозглашая даже на пороге будущего тысячелетия окончательное и неминуемое торжество во всемирном масштабе именно «технологической» цивилизации (она же – «глобально-информационная», «постиндустриальная», «технотронная» и т.п.), прогнозируя ее окончательную победу над хаосом, всемирным разладом и остатками «варварства», включая архетипические рудименты в подкорке человеческой психики. По существу, речь идет о



закамуфлированной философской риторикой пропаганде необходимости интеллектуальной унификации человечества, о попытке доказать целесообразность всемирной промывки мозгов, проведения своего рода насильственной ампутации части мозга у инакомыслящей части человечества с тем, чтобы подогнать ее под стандарты той «вестернизированной» цивилизации, которую олицетворяют богатейшие страны Запада во главе с США.

Теоретическая ущербность односторонне-механистического подхода к оценке сферы бессознательного как однозначно примитивного, рудиментарного элемента структуры человеческой личности давно доказана в современной науке.

И теоретическая физика, и психология, проникая в глубины микромира и человеческого сознания, вынуждены считаться с тем, что ведущую роль в открывающихся безднах играют именно скрытые, неподвластные прямому наблюдению и экспериментальной проверке процессы. Размышляя об этом, швейцарский физик, один из создателей релятивистской физики поля Вольфганг Паули, теоретически предсказавший существование одной из самых «странных» и, тем не менее, реально открытых впоследствии частичек микромира – нейтрино, обосновал вывод о том, что именно архетипические представления, вытесненные за пределы действующей на протяжении последних веков парадигмы, выполняют роль упорядочивающих операторов и формирующих факторов, то есть выступают в качестве «моста» между миром чувственных восприятий и миром абстрактных, бестелесных идей.

Это только один из многочисленных примеров того, как человеческая мысль на пороге третьего тысячелетия восстанавливает утерянное под грубым натиском рационализма в его позитивистской, неопозитивистской, прагматической, сциентистской и прочих философских ипостасях понимание гармоничности и целостности мира, как согласовывается ситуация внешнего экспоненциального взрыва точных научных знаний со всем внутренним, большей частью неосознаваемым опытом, который унаследован отдельным человеком или этническим сообществом от предшествующих поколений в виде определенной религии, системы традиций, обычаев, изначально присущих человеку духовных, культурных и этических ценностей и т.д.

Мы, сторонники концепции «диалога поколений», принимаем вызов времени, требующего вывести человеческую мысль из тупикового варианта редуцированного мирозерцания, основанного на односторонней, «вестернизированной»,

рационалистической парадигме научного знания.

Речь идет о восстановлении на новом цивилизационном витке, на пороге третьего тысячелетия целостного представления о развитии природы, Социума и человека в рамках динамической системы, самоорганизующейся в соответствии с принципами стохастической, вероятностной, статистической модели бытования микро— и макромира.

Поясним это на примере развития самого понятия «парадигма».

Отнюдь не случайно наш великий философ Алексей Федорович Лосев при истолковании его применения в древности пользовался греческим вариантом произношения – «парадейгма», принципиально избегая его позднейшего, латинизированного звучания, в котором оно перешло в науку Нового времени и применяется сегодня. Дело в том, что в античной цивилизации и в проникнутой духовными исканиями эпохе философии средневековья понятием «парадейгма» определялось коренное, смысловое наполнение человеческой мысли, а именно – определение соотношения духовного и материального (чувственного, непосредственно созерцаемого) мира. У Платона, неоплатонистов и ученых-богословов мир идей и «логосов» (феноменов, проявлений божественного) рассматривался как одинаково реальный, органически неразсторжимый, «неслиянно-целостный».

Позже, уже с наступлением нового времени, позитивист Г. Бергман и американский историк «научных революций» Т. Кун низвели понятие парадигмы до ее отождествления со своеобразной «дисциплинарной матрицей», то есть до стандартизированной системы правил, эталонов, моделей, образцов решения конкретных проблем исследования, общепринятых в научном сообществе. В истории и теории науки прочно установилась периодизация ее развития по принадлежности к «допарадигмальному» этапу, который отождествлялся с варварством и который характеризуется отсутствием общепринятой в ученом мире теории, и «парадигмальному», то есть цивилизованному, «рационализированному».

Отказ от свободной рефлексии и, как следствие тотальная мифологизация достижений опыта мысли в конкретных условиях западной цивилизации на искусственно заданной основе рационализма стали доминирующим вектором развития всех наук, но особенно – гуманитарных, поскольку они непосредственно касались мировоззренческих основ социального устройства среды обитания личности.



Естественно, что человеческая мысль начала биться в тисках тщетного поиска единой системы общепризнанных методологических принципов, которые бы унифицировали процесс развития научного знания, составили бы основу «всесильного, потому что единственно верного» учения.

Результатом стал навязанный западным стилем одностороннего мышления императив антагонистического противостояния «истинной» и «ложной» парадигм, причем правота каждого из парадигмальных мировоззрений в конечном счете начала определяться уже, мягко говоря, сугубо «вненаучными» критериями, вроде кровавого, насильственного приобщения американских аборигенов-варваров к ценностям чуждой им западнохристианской цивилизации под страхом полного физического уничтожения, или аналогичных им по глубинной, феноменальной сути массовых политических репрессий большевиков против «религиозных мракобесов», генетиков и прочих «врагов диалектического материализма».

Так только в одном частном, единичном факте из истории становления и развития одного из многочисленных философских понятий, как в капле воды, отразилась во всей своей поистине сатанинской мощи порочность «вестернизированного», то есть абсолютистского, одностороннего, позитивистски истолкованного понимания и применения на практике «единственно верной» научной парадигмы. Похоже, что официальная («огосударствленная») структура гуманитарных наук не только в России, но и во всем т.н. «цивилизованном» мире не в силах освободиться от оков узкого, однозначно-рационалистического миропонимания, от «вестернизированной» парадигмы научного знания. Для этого необходим, согласно теореме неполноты формальных систем Курта Геделя, выход на качественно иной уровень аксиоматики, применение другой логики, смена действующей парадигмы. Раньше всего это осознали представители «точных» наук, где идеологический гнет официальнойщины ощущался не столь явно. Так, выдающийся кибернетик середины уходящего века, кумир отечественных «физиков» времен их пресловутой дискуссии с «лириками» Норберт Винер в книге под красноречивым названием «Я – математик» писал: «Мир представляет собой некий организм, закрепленный не настолько жестко, чтобы незначительное изменение в какой-либо его части сразу же лишало его присутствующих ему особенностей, и не настолько свободный, чтобы всякое событие могло произойти столь же легко и просто, как и любой другое. Это

мир, которому одинаково чужды окостенелости ньютоновской физики и аморфная податливость состояния тепловой смерти, когда уже не может произойти ничего по-настоящему нового. Это мир **Процесса**, а не окончательного мертвого равновесия, к которому ведет Процесс, и это вовсе не такой мир, в котором все события заранее predeterminedены вперед установленной гармонией». Иначе говоря, это мир Свободы выбора, динамичный субъектно-объектный мир. В нем действуют стохастические, вероятностные силы, которые генерируются в результате напряжения рационально-иррациональных процессов самоорганизации природы, социума и Человека.

Только один шаг требовался от «гуманитариев», чтобы перекинуть мостик от «вестернизированной» парадигмы, от регламентирующего все и вся мировоззренческого рационализма к качественно новой системе миропознания и, соответственно, мироустройства. В геополитике этот «мостик» изучается как проявление принципа многополярности, свободы выбора образа жизнеустройства в соответствии с исторически-конкретными, соответствующими присущим данному социуму, этносу, государству, иному локальному или региональному межгосударственному фиксированному образованию обычаям, вере, традициям этическим и правовым нормам, совокупному менталитету («духу») и т.д.

Но именно такой подход неприемлем для однолинейного мышления большей части современных гуманитариев.

Перетолковывая на разные лады учения о цивилизациях в рамках «вестернизированной» парадигмы научного знания, они в лучшем случае лишь более или менее удачно, с академической бесстрастностью, перетолковывают схемы западных ученых, не поднимаясь выше признания ценности принципа «эквивалентности» различных культур-организмов у О. Шпенглера или объективизированной иерархии «формативных типов сознания» у недавно умершего президента Международного (читай – американского) Общества сравнительного изучения цивилизаций Виктора Каволиса. Такая позиция характерна для большинства отечественных философско-культурологов и исследователей так называемых «развивающихся стран» Азии, Африки и Латинской Америки, исповедующих учение о «догоняющих цивилизациях».

В худшем же варианте «западники» выступают в роли активных проводников «вестернизированной» (то есть, в конечной своей сути, американизированной) парадигмы на российскую почву.



При этом они могут выступать как открыто, под флагом «правых» реформаторов-демократов, с их культом цивилизации технократов, так и скрыто, под маской «левых», с их языческим культом давно устаревших догм экономического материализма и тупым поклонением мнимым квази-законам линейного, жестко детерминированного исторического развития человечества.

Мы, ученые и специалисты, стоящие на платформе «диалога поколений», видим смысл своей деятельности в совместном поиске выхода из тупиковой ситуации, в которую поставлена

человеческая мысль в результате некритического применения в течение последних двух столетий парадигмы Нового времени. В этом интеллектуально-напряженном поиске новой системы миропонимания, который ведется в форме равноправного диалога, заключается особый смысл. Только раскрепощенное, свободное сознание и самосознание нового поколения граждан России может дать на пороге третьего тысячелетия нетривиальные ответы на самые жгучие вопросы современности, которые немислимо решить в рамках ныне действующей парадигмы научного знания.

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

1 – 3 ноября 2000 г. в Смоленске прошло Всероссийское совещание «Развитие системы образования на селе». После приветственного слова главы администрации Смоленской области А.Д. Прохорова с докладом «Основные направления развития системы образования Российской Федерации на современном этапе» выступил А.Ф. Киселев, первый заместитель министра образования. В ходе совещания обсуждались проблемы реструктуризации сельской школы, ее компьютеризации, внедрения новых технологий обучения, обеспечения государственной поддержки на всех уровнях.

Нигде так тесно не проявляется взаимосвязь между перспективами экономического, социального и культурного

развития населенного пункта, территориального образования и перспективами развития школы, как на селе. За закрытием сельской школы чаще всего следует и исчезновение самого населенного пункта, а иной раз и нескольких селений, которые обслуживала школа. Эта тенденция будет усиливаться в связи с демографическим спадом в Российской Федерации в период с 1089 по 1996 годы. По сути перед нами возникла угроза возврата к ситуации «огромных неосвоенных территорий», заполняемых населением соседних государств, что уже происходит на российском Дальнем Востоке. Таким образом, проблема сохранения и развития школьного образования на селе является фактором на-

циональной безопасности Страны.

Сельская школа есть непременное условие для реализации конституционного права граждан для получения образования независимо от места проживания, и здесь многое зависит от работы сельской школьной библиотеки. Данной теме было посвящено выступление Т.Д. Жуковой, зам. главного редактора нашего журнала: «Современная школьная библиотека – основной ресурс развития образования на селе».

Подробнее об этом читайте в следующих номерах «ШБ». Учитывая важность этой проблемы, редакция планирует открыть в журнале новую рубрику «ШБ» в сельской школе». Ждем писем от школьных библиотекарей сельских школ.